

Киндинов М. А. «Система Петра Великого»: к вопросу о дипломатии канцлера А. П. Бестужева-Рюмина (1748—1756 гг.) / М. А. Киндинов // Научный диалог. — 2015. — № 8 (44). — С. 36—54.

УДК 94(470)“1748/1756”

«Система Петра Великого»: к вопросу о дипломатии канцлера А. П. Бестужева-Рюмина (1748—1756 гг.)

© **Киндинов Михаил Александрович (2015)**, аспирант кафедры истории России, историко-филологического факультета, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия), Shikotus@mail.ru.

Статья посвящена российскому государственному деятелю XVIII века канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину. Особое внимание уделяется его политике в период с 1748 по 1756 гг. Сделан акцент на отношениях с Великобританией и Францией. Рассмотрено значение «Системы Петра Великого». Уделяется внимание оценкам деятельности канцлера указанного периода. Представлены результаты анализа основных достижений политики А. П. Бестужева-Рюмина между Аахенским миром 1748 года и «Дипломатической революцией 1756 года». Автор останавливается на противоречиях во взглядах канцлера А. П. Бестужева-Рюмина и вице-канцлера М. И. Воронцова относительно направлений внешней политики России. Оцениваются итоги многолетнего противостояния двух руководителей внешнеполитического ведомства страны. Доказано, что внешняя политика Российской империи определялась всецело ее канцлером. А. П. Бестужев-Рюмин способствовал укреплению международного положения страны и ее «вхождению в Европу». Он отстаивал независимость внешнеполитического курса России от Франции. Поднимается вопрос о роли А. П. Бестужева-Рюмина в том, как складывались русско-французские отношения середины

XVIII века — в период, предшествующий «Дипломатической революции 1756 года». Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого анализа результатов внешней политики России в сложные периоды ее истории.

Ключевые слова: история России XVIII века; международные отношения; внешняя политика; русско-французские отношения; Елизавета Петровна; А. П. Бестужев-Рюмин; М. И. Воронцов; «Система Петра Великого».

1. Вводные замечания

Международное положение Российской империи середины XVIII века определялось рядом факторов. А именно, в первую очередь, так как Россия стала неотъемлемой частью европейского дипломатического пространства, то определяющим были последствия Аахенского мира, который поставил только запятую, и начало очередного военного конфликта стало лишь вопросом времени, но все же с его подписанием наступил долгожданный мир. Другой важной особенностью было то, что Россия оказалась в добровольной самоизоляции, став практически наемной державой со строго определенными покупателями ее вооруженной силы. Третьей особенностью, которая не являлась специфичной только для России, это практически безраздельное влияние на внешнюю политику канцлера А. П. Бестужева-Рюмина.

Вышеуказанные факторы оказывали большое влияние на внешнюю политику России рассматриваемого периода. Определяющим же фактором было влияние канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, поэтому стоит обратить внимание на дипломатию российского канцлера, особенно на его политику в период между 1748 и 1756 гг. Для этого необходимо выявить особенности положения России в Европе после подписания Аахенского договора, рассмотреть значение «Системы Петра Великого», проанализировать результаты деятельности А. П. Бестужева-Рюмина в указанный период. Биография и деятельность канцлера рассмотрена в трудах таких видных историков, как Е. Н. Щепкин, Н. Н. Яковлев, А. Н. Шапкина, М. А. Емелина,

М. Ю. Анисимов [Анисимов, 2005; Емелина, 2007; Шапкина, 1992; Щепкин, 1902; Яковлев, 2000].

2. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин: биографическая справка

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693—1766 гг.) происходил из московских дворян. Отец, Петр Михайлович, начал свою карьеру с поста воеводы в Симбирске, затем перевелся на дипломатическую службу, обер-гофмейстер двора при Анне Иоанновне в Курляндии. Алексей Петрович получал образование в Копенгагене и Берлине. Некоторое время (1713—1717 гг.) состоял на службе у курфюрста Ганноверского Георга Людвиг, вошедшего в историю под именем Георга I короля Великобритании. Представлял интересы России при Копенгагенском дворе (1720—1730 гг., 1734—1740 гг.) и Гамбурге (1731—1740 гг.). Непродолжительное время занимал пост кабинет-министра в 1740 году, до свержения правителя (регента) Российской империи Э. И. Бирона. Правительница Анна Леопольдовна после недолгой ссылки вновь решила вернуть его, «и при том его чином тайного советника всемилоостивейше пожаловали и указали быть ему у дел при нашем кабинете вместе с тайным советником фон Бреверном», при этом А. П. Бестужеву-Рюмину поручалось заведовать внутренними делами, а внешние были доверены фон Бреверну [РГИА, ф. 1101, оп. 1, ед. хр. 79, л. 13]. С 12 декабря 1741 года по протекции И. Г. Лестока и маркиза И.-Ж. де ла Шетарди, посла Франции в России, становится вице-канцлером. В 1744 году А. П. Бестужев-Рюмин становится канцлером Российской империи. В 1758 году снят с должности и сослан. Екатерина II по восшествии на престол вернула его из ссылки и в знак признательности произвела в звание генерал-фельдмаршала.

3. Положение России в Европе после подписания Аахенского договора и деятельность А. П. Бестужева-Рюмина

Заключенный в октябре 1748 года Аахенский мир не решил всех проблем, которые стояли перед правительствами стран, его подписав-

ших. Российская делегация не была допущена до участия в переговорах, что явно не входило в планы петербургского двора. Это видно из указаний, данных канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым графу А. Г. Головкину, русскому послу в Гааге, заключавшихся в том, чтобы тот был готов выехать в Аахен [Лиштенау, 2000, с. 81]. Участие России в переговорах могло и должно было поднять политический престиж, а также узаконить ее право на участие в общеевропейских делах. Этого не произошло, более того, из сложившейся ситуации отчетливо видно то, что ее не желают видеть участницей не только французы и пруссаки, но и партнеры, в угоду чьих интересов Россия жертвовала своей репутацией. Единственную попытку замолвить слово сделал австрийский дипломат А. В. фон Кауниц - Ритберг, так как петербургская конвенция специально предусматривала это [Лиштенау, 2000, с. 81].

Российская империя к 1748 году имела ряд заключенных договоров с европейскими державами: оборонительный договор с Австрией от 1746 года и союзный оборонительный договор с Англией от 1742 года, который был дополнен договорами, заключенными в 1747 году относительно участия русского вспомогательного корпуса. Несмотря на это положение России было неоднозначным. К союзному русско-австрийскому договору Англия присоединилась только в 1750 году, несмотря на то, что дипломаты стремились склонить ее к договору практически с самого его подписания, но при этом секретные статьи английским правительством так и не были одобрены [Собрание трактатов, 1902, Т. 9—10, с. 173].

Неоднозначность международного положения заключалась в том, что, во-первых, как справедливо было отмечено французским исследователем Ф.-Д. Лиштенау, «Россия была участницей одновременно и желанной, и нежеланной» [Лиштенау, 2000, с. 92], во-вторых, заключенные союзные договоры больше выгод давали союзникам, чем России. Благодаря этим договорам Австрии и Англии удалось нейтрализовать Пруссию, единственную сильную союзницу Франции, что само

по себе ставило Францию в изоляцию. Но что все эти дипломатические действия дали России? Результаты не заставили себя ждать. В 1748 году произошел разрыв дипломатических отношений между Россией и Францией в результате отъезда консула Ж.-Б. Сен-Совера. В декабре 1750 года это же произошло и с Пруссией, Санкт-Петербург покинул прусский консул К. Г. Варендорф. В последнем случае инициатива принадлежала России. Таким образом, благодаря стараниям канцлера А. П. Бестужева-Рюмина во внешней политике страна не просто стала ориентироваться на союз с англо-австрийским блоком, но и полностью и безоговорочно встала на их сторону. Внешнеполитический кругозор был урезан, и империя практически сама себя загнала в то положение, в которое и хотели ее поместить дипломаты из Версаля, против которых столь ратовал Великий канцлер. Практически Бестужев сделал из России второстепенную державу наподобие Нидерландов и Португалии, лишенную самостоятельности во внешнеполитических вопросах. Это показали события, развернувшиеся после 1748 года.

Очередной конфликт разгорелся в Швеции. С весны 1748 года состояние здоровья бездетного короля Швеции Фредрика I ухудшалось. Его преемник принц Адольф Фридрих Гольштейн-Готторпский, поддерживаемый Пруссией и Францией, выказывал желание усилить королевскую власть. В связи с этим Россия не могла остаться в стороне от разворачивавшихся событий на Севере. Ситуация обострилась до того, что на границе с Финляндией была расквартирована группировка войск, в июне 1748 года она достигла численности 23 тыс. человек [СИРИО, 1901, Т. 110, с. 17]. А в декабре Елизавета Петровна отдала приказ подготовить корпус для вступления в Финляндию в составе 30 тыс. человек, предназначенного для поддержания порядка и прекращения гражданской войны [Лиштенан, 2000, с. 206—207]. Российский канцлер стремился заручиться поддержкой союзников — Австрии и Великобритании. Но не получилось. Европейские государства были не готовы вступить в новый конфликт, не отойдя полностью от изнурительной Войны за Австрийское наслед-

ство (1740—1748 гг.). Так, в мае 1749 года герцог Ньюкасл, государственный секретарь северного департамента, наставлял лорда Гиндфорда, посланника в России. «Вы сообщите г-ну Бестужеву и (если будет необходимо) Ее Императорскому Величеству лично, — писал он в Санкт-Петербург, — что его величество думает, что он не был бы ее другом, если бы, при настоящих условиях, не отговорил Ее Императорское Величество и императрицу — королеву Венгерскую от принятия каких-либо мер, которые могли бы нарушить мир на севере» [СИРИО, 1901, Т. 110, с. 315]. В подобном духе герцог Ньюкасл отвечал и русскому посланнику в Великобритании графу Чернышеву [Собрание трактатов, 1902, Т. 9—10, с. 176—177]. Близкую позицию заняли Австрия, Дания и Франция.

События в Швеции 1748—1751 гг. отчетливо показали нежелание европейских держав затевать в угоду России новый военный конфликт, как и то, что созданная А. П. Бестужевым-Рюминым так называемая «система Петра Великого» явно не дала желаемого результата. Стоит пару слов сказать о ней. Данную «систему» с Петром Первым объединяло только название. Система включала следующие составляющие: 1) прочные союзнические отношения со странами, с которыми совпадали долгосрочные интересы; 2) в число этих стран входили морские державы — Англия и Нидерланды, а также континентальные — Австрия и Саксония; 3) четко определены противники России, в первую очередь это Франция, Швеция и «враг потаенный» Пруссия [Мусский, 2001, с. 222—223].

«Однако к сер. 50-х. гг. “система” во многом уже не соответствовала изменившейся внешнеполитической конъюнктуре, — отмечает российский историк Н. Н. Яковлев. — Российский канцлер не учел ослабления англо-австрийских связей. Он был убежден и в непреодолимости противоречий Вены и Версаля» [Яковлев, 1990, с. 55]. А между тем у него за спиной подготавливались коренные изменения, причем они исходили именно от тех стран, на которые более всего надеялся опереться А. П. Бестужев-Рюмин.

Ветер перемен стал слегка подувать сразу после Аахенского мира. Об этом свидетельствует поведение австрийского посла при Версальском дворе графа Венцеля Антона Йозефа фон Кауница. Прусский посол во Франции Ле Шамбрье сообщал королю Фридриху о «предупредительной учтивости» и льстивой обходительности австрийского дипломата. В письме от 20 ноября 1750 года он писал о том, что французы хотят жить «в добром согласии» с Австрией [Лиштенан, 2000, с. 218].

В Петербурге об этом не знали. Ввиду того, что «внешнеполитическая концепция была в целом мало динамичной» [Шапкина, 1992, с. 60], канцлер продолжил свою линию на дальнейшее сближение с Англией. В 1749 году происходит смена дипломатического представителя в России: лорд Д. К. Гиндфорд покинул страну после пяти лет своего пребывания на берегах Невы. По указу императрицы Елизаветы Петровны от 2 сентября 1749 года, изданному в Москве, ему в подарок было выделено восемь тысяч рублей [РГИА, ф. 1329, оп. 2, ед. хр. 87, л. 110]. Преемником лорда Д. К. Гиндфорда на посту представителя Лондона на берегах Невы стал полковник Мельхиор Гай Диккенс (Гюи Диккенс), переведенный в Санкт-Петербург из Стокгольма. О его назначении хлопотал сам канцлер. «Ему желательно знать, кто меня заменит, — писал Гиндфорд герцогу Ньюкаслу в депеше от 12 июня 1749 года, — просит меня намекнуть вашей светлости, что назначение полковника Гюи Диккенса было бы ему весьма приятно; ибо этот господин не только знает немецкий язык, но в совершенстве знаком с дворами шведским и прусским...» [СИРИО, 1901, т. 110, с. 394]. На новом посту Гай Диккенс 30 октября 1750 года объявил о присоединении Англии к союзному австро-русскому трактату от 1746 года, без присоединения к секретным статьям. «И Его Британское Величество объявляет, что разумеется не будет, якобы он какое либо участие имел в тех обязательствах, которые постановлены быть могли таковыми сепаратными или секретными артикулами, довольно притом однако, разумея, что сия декларация ни в чем, ника-

кого предосуждения не причинить силе акта преступления реченного Его Британского Величества в помянутому оборонительному трактату, который акт сего числа подписан», — отмечалось в декларации [Собрание трактатов, 1902, т. 9—10, с. 174—175].

На этом дипломаты не успокоились, и вопрос о новом договоре возник достаточно скоро. Сент-Джеймский кабинет, учитывая нарастающую напряженность в Европе, в связи с этим опасность для Ганновера, обратил внимание на Россию. В 1753 году начались переговоры о субсидиях на содержание русской армии, направленной на помощь Англии в случае нападения Пруссии на Ганновер. Предложение было сделано 27 апреля английским послом Гюи Диккенсом, который «изъявлял надежду, что императрица даст требуемую помощь, тем более что и венский двор согласен дать ее» [Соловьев, 2010, с. 783]. Переговоры затянулись на два года, и обе стороны пришли к соглашению в 1755 году, только после прибытия в Петербург нового английского посла Ч. Х. Уильямса, сменившего на этом посту Гюи Диккенса. Выбор Уильямса был не случаен, и премьер-министр герцог Ньюкасл возлагал на своего представителя большие надежды. Плюсом дипломата выступала его миссия в Дрездене, а также немаловажное значение имел тот факт, что Ч. Х. Уильямс был «одним из приятных молодых людей» из окружения Ньюкасла, который был бы более коммуникабельным в обращении с правившей Россией женщиной [Яковлев, 2000, с. 42]. В свое время подобную роль играл и лорд Д. К. Гиндфорд, призванный расположить к себе императрицу и перехватить инициативу у Франции в лице маркиза Шетарди, с чем он успешно справился. Более того, в июне 1755 года Уильямс получил указание любой ценой заключить в кратчайшее время субсидийную конвенцию [Яковлев, 2000, с. 43]. 12 июня 1755 года Гюи Диккенс получил прощальную аудиенцию, а Вильямс вручил императрице верительную грамоту, став чрезвычайным посланником английского короля в России [РГИА, ф. 473, оп. 3, ед. хр. 23, л. 410—418].

Работа пошла быстрее, и Конвенция была подписана 19 сентября 1755 года, согласно ей Россия обязывалась содержать вспомогательный корпус из 55 тыс. чел., за что Англия выплачивала 500 тыс. фунтов стерлингов в год. Также Россия обязывалась содержать 40—50 галер с экипажем и по первому требованию английского короля двинуть в Пруссию корпус в 30 тыс. чел. Кроме того, для содержания войск на границе Англия ежегодно должна была выплачивать еще 100 тыс. фунтов стерлингов [Собрание трактатов, 1902, т. 13, с. 86]. Конвенция была ратифицирована только 1 февраля 1756 года. Процесс ускорила записка, поданная 19 января канцлером на имя Императрицы, в которой он утверждал, что «усилившиеся неприятели, не имея ничего тогда опасаться, будут только о том пешиться, что Россию буде не в старые пределы привести, то, по меньшей мере инфлюенцию ее из генеральных выключить, к чему и великое уже начало сделано будет, сколь скоро токмо часто помянутая заключенная конвенция уничтоженною объявится, ибо сколь скоро английская ратификации подобно как бы вексель с протестом туда назад придут, то сие для короля и нации бесчестие так велико, что коль ни драгоценна им дружба Ея Императорского Величества, однако ж она много холодности и корреспонденции остановка претерпит». Для предания весомости своим словам канцлер пригрозил отставкой [Собрание трактатов, 1902, т. 9—10, с. 185—187].

Задержка с подписанием и ратификацией конвенции становится понятной, если обратить внимание на одно из донесений английского посланника М. Гюи Диккенса, относящееся к началу 1755 года. «Канцлер никогда не видит императрицу и никогда не говорит с ней, — писал дипломат. — Все делается письменно: он адресует свои депеши молодому фавориту Ивану Шувалову, который передает их государыне тогда, когда она в настроении заниматься делами» [Емелина, 2007, с. 39]. Эти слова свидетельствуют о падении кредита А. П. Бестужева-Рюмина.

Начало этому процессу и положила англо-русская конвенция. Субсидийная конвенция встретила сопротивление с обеих сторон.

В Великобритании общество разделилось на две части: сторонников и противников субсидийных конвенций. Первые группировались вокруг премьер-министра герцога Ньюкасла и государственного секретаря северного департамента графа Холдернесса. Против англо-русской конвенции выступали будущий глава правительства У. Питт-старший, Б. Доддингтон и «враг всяких субсидий», особенно англо-русской, герцог Девонширский Эгмонт [Яковлев, 2000, с. 46]. Данное разделение охарактеризовало суть сложившейся обстановки в стране и отношения к целям внешней политики Великобритании, показало, что ситуация изменилась и изменились интересы общества.

Современный российский исследователь М. Ю. Анисимов, занимающийся исследованием деятельности А. П. Бестужева, отмечает, что «Лондон намеренно оставлял России роль “наемной державы”, предоставляющей свои войска ради чужих интересов, что могло исключить ее участие при заключении мира» [Анисимов, 2005, с. 188]. Именно это и тревожило императрицу и ее ближайшее окружение. Елизавета Петровна, наученная опытом, полученным в ходе войны за Австрийское наследство (1740—1748 гг.), желала использовать свою армию только против Пруссии, была против того, чтобы вновь отправлять ее на Рейн или в Нидерланды. Это стало одной из причин заминки с ратификацией договора. М. Ю. Анисимов указывает: «Внешне англичане пошли на уступки, обязуясь сообщать о переговорах с общим противником, но суть документа осталась неизменной: Англия могла начинать сепаратные переговоры в любой момент, невзирая на желание России. Лондон не воспринимал Петербург как равного партнера» [Анисимов, 2005, с. 188]. Мнение, высказанное М. Ю. Анисимовым, подтверждают слова графа Холдернесса: «Если мы оплачиваем перец, мы имеем все основания заказать такую похлебку, какую пожелаем» [Яковлев, 2000, с. 23].

В России также нашлись противники англо-русской конвенции. Они группировались вокруг вице-канцлера графа М. И. Воронцова и молодого фаворита императрицы И. И. Шувалова, фактически

«французская партия» переживала свое возрождение. В стан врагов канцлера перешел и его родной брат М. П. Бестужев-Рюмин, представлявший интересы России при Саксонском дворе. М. И. Воронцов, поддерживавший позицию своего начальника по отношению к Австрии, не разделял его «англофилии». Поэтому он прохладно отнесся к подписанию, а затем и не прилагал усилий для ратификации конвенции. В своей упоминавшейся выше записке к императрице канцлер сетует: «Ежели сей несчастливый жребий (лишение чинов и должностей) постигнет и одного Канцлера, хотя он сей отличности пред Вице-канцлером и не заслужит...» [Собрание трактатов, 1902, т. 9—10, с. 187].

Что же побудило М. И. Воронцова столь явно противодействовать планам своего начальника? Дело в том, что 4 октября 1755 года в Санкт-Петербург из Парижа прибыл некто шевалье Макензи Дуглас, шотландец по происхождению. В Версале имели достоверную информацию о серьезных разногласиях между канцлером и вице-канцлером по вопросу внешней политики России. Знали и о том, что Елизавета Петровна проявляла растущее недовольство Бестужевым, полагаясь во всем на Воронцова, которому поручила приглядывать за канцлером. Оценив сложившуюся обстановку, Дуглас через Мишеля, француза, занимавшегося торговлей в России, наладил контакт с вице-канцлером. Тот в свою очередь доложил Елизавете Петровне. Шевалье Дуглас покинул Санкт-Петербург 20 ноября 1755 года, везя в Париж многообещающие известия [Черкасов, 2010, с. 177]. Так за спиной канцлера стали налаживаться русско-французские отношения, которые не вписывались в разработанную им «систему Петра Великого».

Подписание союзной конвенции с Великобританией стало последней дипломатической победой канцлера, и, как показало время, данная победа для его карьеры сказалась самым роковым образом и поставила его в безвыходное положение. Гроза разразилась неожиданно и пришла оттуда, откуда ее не ждали. 16 января 1756 года

между Великобританией и Пруссией был заключен Уайтхоллский (Вестминстерский) договор, который шел вразрез с только что заключенной англо-русской конвенцией. В России об этом договоре узнали только 3 февраля, уже после ратификации злополучной конвенции. Результатом стало то, что 14 марта 1756 года конвенция была денонсирована, так как «заключенный недавно в Лондоне между королями Английским и Прусским трактат в том разрушает прямой вид заключенной здесь с Англией конвенции» [АКВ, кн. 3, с. 377]. Все это привело к тому, что влияние канцлера А. П. Бестужева-Рюмина стало постоянно ослабевать, и императрица Елизавета Петровна стала все больше прислушиваться к мнению вице-канцлера М. И. Воронцова [Собрание трактатов, 1902, т. 9—10, с. 206].

Длительное противостояние канцлера и вице-канцлера, начавшееся еще в далеком 1744 году, при маркизе Ж. И. де ла Шетарди, когда М. И. Воронцов перешел из стана А. П. Бестужева-Рюмина во «французскую партию», подходило к концу. Пережив высылку французского посла и последовавшую в 1748 году опалу И. Г. Лестока, он фактически был отстранен канцлером от ведения дел. Более того, А. П. Бестужев-Рюмин стремился как можно больше отдалить своего заместителя от дел, вплоть до отправки из страны в качестве посла, о чем он и вел тайные переговоры с английским дипломатом лордом Д. К. Гиндфордом. Так в депеше от 14 июня 1748 года Д. К. Гиндфорд писал герцогу Ньюкаслу: «Меня просили, тайно и под большим секретом, предложить вашей светлости средство удалить вице-канцлера от русского двора, а следовательно лишить его возможности знать большинство иностранных дел...». Изначально планировалось назначить М. И. Воронцова послом в Вену, но тот отказался. Далее в том же письме Д. К. Гиндфорд предлагает упомянуть через лорда Сендвича графу А. Г. Головкину о назначении российского посла в Лондон, где хотели бы видеть именно его. Канцлер не желал придавать огласке данные переговоры, так что Д. К. Гиндфорд просил Ньюкасла «не упоминать в этом деле ни меня, ни моего друга» [СИРИО,

1901, т. 110, с. 17—19]. В октябре к этому вопросу Д. К. Гиндфорд вновь вернулся, в своем письме он откровенно описывает причину необходимости подобной меры: «Ваша светлость прекрасно поймете, что весь смысл этого — лишь почетным образом избавиться от вице-канцлера, который продолжает делать все то зло, какое только в состоянии, хотя мне и очень жаль, что наш двор является в этом случае *pis-alleg* (крайним средством. — *М. К.*)» [СИРИО, 1901, т. 110, с. 87]. Замысел канцлера так и не был осуществлен, М. И. Воронцов остался в России, причем не просто сохранил за собой свою должность, но и укрепил свои позиции, проведя за спиной своего шефа тайные переговоры с Дугласом. Падение канцлера стало вопросом времени.

4. Деятельность А. П. Бестужева-Рюмина в оценках исследователей

Деятельность канцлера А. П. Бестужева-Рюмина вызывает много разных мнений, однозначную оценку ей дать сложно. Оценки его деятельности во многом зависят от личного отношения автора к канцлеру. В таких случаях стоит обращать внимание на более взвешенные точки зрения. Наиболее взвешенным и корректным можно назвать высказывание, данное российским историком XIX века Д. Н. Бантыш-Каменским. «Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, человек обширного, острого ума, приобрел долговременным опытом навык в делах государственных, был чрезвычайно деятелен, отважен, но вместе с тем горд, честолюбив, хитер, пронырлив, скуп, мстителен, неблагодарен, жизни невоздержной, — констатирует историк. — Его более боялись, чем любили. Императрица Елизавета ничего не решала без его мнения. Он сумел сделаться для нее необходимым; повелевал не только сановниками ее, но и приближенными» [Бантыш-Каменский, 2011, с. 176].

Политику, проводимую А. П. Бестужевым-Рюминым, точно охарактеризовал военный историк XIX века Д. Ф. Масловский (которого

вряд ли можно заподозрить в личной неприязни), отметивший, что главная ее цель заключалась в ослаблении Пруссии: «Канцлер империи, с первого шага его вступления в управление нашими иностранными делами, прекрасно сознавая вред, могущий быть для России от образования из Пруссии сильной державы, — твердо, неуклонно и вполне честно стремился воспрепятствовать росту Пруссии. Но, к несчастью, Бестужев действовал всегда чересчур умеренно и выбрал ошибочный дипломатический путь для достижения столь важной государственной цели» [Масловский, 1886].

В целом стоит сказать, что столь длительное нахождение у власти А. П. Бестужева-Рюмина объясняется всем тем, что выше отмечено. Но кроме этого его выгодно отличало и то, что в России в указанный период практически не было более подходящей фигуры для руководства внешнедипломатическим ведомством. Он обладал достаточным опытом дипломатической службы, неплохо разбирался в европейской политике, но дипломатическая биография канцлера сводится к службе в северо-восточном регионе Европы, что и наложило свой отпечаток на его политические пристрастия. Кроме этого, из всех лиц, обладавших опытом работы, он являлся по национальному признаку русским, в отличие от его предшественников на посту руководителей коллегии иностранных дел и главных противников в борьбе за власть, что было немаловажно. Несмотря на все нелестные, но справедливые характеристики этой личности, отметим, что А. П. Бестужев-Рюмин сделал большой вклад в становление русской дипломатии. Независимая, до определенной степени, позиция на посту канцлера сделала его незаменимым и показала, что именно такой человек должен руководить внешней политикой молодой, набирающей мощь, державы. Это делало его фигуру более привлекательной для императрицы, невзирая на ее личное к нему отношение. Елизавета, не имея четкого курса, все же интуитивно выбирала те ходы, которые не только совпадали с ее личными пристрастиями, но и были выгодными для страны. Осознавая свою неспособность единолично управлять огромным и неуклюжим кораблем

под названием «Российская империя», она стремилась опираться на тех лиц, которые имели достаточно сил и умений держать курс. К ним принадлежал и А. П. Бестужев-Рюмин. Этим объясняется столь долгое пребывание его у власти, вопреки многочисленным врагам и интригам, в его окружении. Во многом именно поддержка императрицы спасала его. Он был ей нужен. Кроме того, он, «несмотря на свои пороки, был головой выше всех прочих министров Елизаветы», — констатировал французский историк А. Вандаль [Вандаль, 1911, с. 170]. Но канцлер со временем перестал различать свои интересы и интересы государства, что привело к обратному результату. Союз с Англией, способствовавший поднятию «веса» российской дипломатии, которую по праву можно называть «бестужевской», в период 40-х гг. и сделавший Россию неотъемлемым игроком на европейской дипломатической арене, стал себя изживать. Как точно подметил М. Ю. Анисимов, «причиной распада англо-русского союза стала изначально заложенная в нем неравноправность сторон и зависимая роль России» [Анисимов, 2005, с. 190]. Именно угроза для России утратить свою самостоятельность заставила Елизавету поддержать курс А. П. Бестужева на разрыв отношений с Францией, а затем и с Пруссией. Но то, от чего императрица стремилась уйти (и, как видно, ей это удалось), стало угрожать России к середине 50-х гг. благодаря стараниям главного англофила страны. Неспособность А. П. Бестужева-Рюмина перестроиться в изменяющихся условиях и явное стремление ввести Россию в фарватер политики Великобритании, вопреки здравому смыслу и интересам самой России, стали причиной того, что Елизавета Петровна утратила доверие к своему канцлеру. Это отлично высветилось в 1756 году и в конечном итоге привело к падению «железного» канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, одного из выдающихся дипломатов и колоритных политических фигур Российской империи XVIII века.

Наиболее лестную характеристику политику дал английский исследователь А. Бэн: «В промежутке между смертью Флери и возвышением Кауница Алексей Бестужев один оспаривал у Фридриха

Великого честь быть величайшим дипломатом Европы» [Тимирязев, 1900, т. 81, с. 845].

5. Заключение

Сделав большой вклад в развитие российской дипломатии и повышение значения России в Европе, А. П. Бестужев-Рюмин отстоял дипломатическую независимость от Франции, сумел отвести от руля власти «случайные» элементы. Но он не удержался и поддался искушению: все то, в чем он обвинил И. Г. Лестока, стало столь же применимым к нему. Однако не взятки и подарки от английских и австрийских друзей стали причиной его падения, а его упрямство в следовании своим идеям, которые шли вразрез не только с пристрастиями императрицы, но и с интересами государства. Благодаря своей твердости и однозначности, соединенным с трезвым расчетом, опираясь на поддержку самой императрицы, канцлер сумел поднять авторитет России на высокий уровень и заставил европейские державы бороться за ее благорасположение. Одержав победу над своими внутренними соперниками, А. П. Бестужев-Рюмин успокоился и утратил бдительность. К началу 1756 года влияние канцлера значительно ослабло. Но, занятый делами государства, он этого не заметил. Несмотря на это, политик и дипломат, А. П. Бестужев-Рюмин по праву заслужил место среди выдающихся государственных деятелей в истории России.

Начало 1756 года не только стало поворотным пунктом в истории Российской дипломатии, но главным образом стало следствием коренных изменений в европейской. Указанный год стал рубежом и вошел в историю как «дипломатическая революция 1756 года».

Источники и принятые сокращения

1. АКВ — *Архив князя Воронцова* / под ред. П. И. Бартенева. — Москва, 1870—1895. — Кн. 1—40.
2. РГИА — *Российский государственный исторический архив* Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 79.

Ф. 1329. Оп. 2. Ед. хр. 87.

Ф. 473. Оп. 3. Ед. хр. 23.

3. СИРИО — *Сборник* императорского русского исторического общества в 148 т. // *Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 7 мая 1748 г. по 9 февраля 1749—1750 гг.* — Санкт-Петербург : Типография А. Бенке, 1901. — Т. 110. — 745 с.

4. *Собрание трактатов и конвенций заключенных Россией с иностранными державами в 15 т.* / под ред. Ф. Ф. Мартенса. — Санкт-Петербург, 1902. — Т. 1—15.

Литература

1. *Анисимов М. Ю.* Российский дипломат А. П. Бестужев-Рюмин (1693—1766) / М. Ю. Анисимов // *Новая и Новейшая история.* — 2005. — № 6. — С. 175—192.

2. *Бантыш-Каменский Д. Н.* Биография российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов / Д. Н. Бантыш-Каменский. — Москва : Эксмо, 2011. — 608 с.

3. *Вандаль А.* Императрица Елизавета и Людовик XV / А. Вандаль. — Москва : Сфинкс, 1911. — 420 с.

4. *Емелина М. А.* Алексей Петрович Бестужев-Рюмин / М. А. Емелина // *Вопросы истории.* — 2007. — № 7. — С. 29—45.

5. *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу : императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740—1750 / Ф.-Д. Лиштенан. — Москва : ОГИ, 2000. — 408 с.

6. *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну : Выпуск 1 : Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756—1757 гг.) / Д. Ф. Масловский. — Москва : Типография окружного штаба, 1886. — 674 с.

7. *Мусский И. А.* 100 великих дипломатов / И. А. Муссий. — Москва : Вече, 2001. — 608 с.

8. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. — Москва : Эксмо, 2010. — 1024 с.

9. *Тимирязев В. А.* Дочь Петра Великого / В. А. Тимирязев // *Исторический вестник.* — 1900. — Т. 81. — С. 845.

10. *Черкасов П. П.* Елизавета Петровна и Людовик XV : русско-французские отношения 1741—1762 гг. / П. П. Черкасов. — Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2010. — 376 с.

11. *Шапкина А. Н.* Новые ориентиры. Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин и союз с Австрией / А. Н. Шапкина // *Российская дипломатия в портретах.* — Москва : Международные отношения, 1992. — С. 48—65.

12. *Щепкин Е. Н.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны, 1746—1758 гг. : исследование по данным Венского и Копенгагенского архивов / Е. Н. Щепкин. — Санкт-Петербург : В. С. Балашов и К, 1902. — 727 с.

13. *Яковлев Н. Н.* Британия и Европа / Н. Н. Яковлев. — Москва : ИВИ РАН, 2000. — 297 с.

14. *Яковлев Н. Н.* «Дипломатическая революция» накануне Семилетней войны / Н. Н. Яковлев // Новая и Новейшая история. — 1990. — № 3. — С. 53—63.

“System of Peter the Great”: on Chancellor A. P. Bestuzhev-Ryumin Diplomacy (1748—1756)

© **Kindinov Mikhail Aleksandrovich (2015)**, postgraduate student, Department of Russian History, Faculty of History and Philology, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk), Shikotus@mail.ru.

The article is devoted to the Russian statesman of the XVIII century chancellor A. P. Bestuzhev-Ryumin. Particular attention is paid to his policy in the period from 1748 by 1756. Emphasis is placed on the relationship with Great Britain and France. The value of “The system of Peter the Great” is considered. Attention is given to the estimates of the activities of the Chancellor in that period. The results of the analysis of the main policy achievements of A. P. Bestuzhev-Ryumin between The Treaty of Aix-la-Chapelle of 1748 and “The Diplomatic Revolution” in 1756. The author dwells on the contradictions in the views of Chancellor Bestuzhev-Ryumin and Vice-Chancellor Mikhail Vorontsov on the direction of Russian foreign policy. The outcome of many years of confrontation between the two heads of the Foreign Ministry of the country is assessed. It is proved that the foreign policy of the Russian Empire was determined fully by its chancellor. Bestuzhev-Ryumin helped to strengthen the country’s international position and its “entry into Europe”. He defended the independence of Russian foreign policy from France. The questions are raised about the role of Bestuzhev-Ryumin in how Russian-French relations in the middle of the XVIII century, in the period preceding “The Diplomatic Revolution” in 1756 developed. The relevance

of the study is due to the need of in-depth analysis of the results of Russian foreign policy in the difficult periods of its history.

Key words: Russian history of XVIII century; international relations; foreign policy; Russian-French relations; Elizabeth; A. P. Bestuzhev-Ryumin; M. I. Vorontsov; "The system of Peter the Great".

References

- Anisimov, M. Yu. 2005. Rossiyskiy diplomat A. P. Bestuzhev-Ryumin (1693—1766). *Novaya i Noveyshaya istoriya*, 6: 175—192. (In Russ.).
- Bantysh-Kamenskiy, D. N. 2011. *Biografiya rossiyskikh generalissimusov i general-fel'dmarshalov*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).
- Cherkasov, P. P. 2010. *Elizaveta Petrovna i Lyudovik XV: russko-frantsuzskie otnosheniya 1741—1762*. Moskva: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK. (In Russ.).
- Emelina, M. A. 2007. Aleksey Petrovich Bestuzhev-Ryumin. *Voprosy istorii*, 7: 29—45. (In Russ.).
- Lishtenan, F.-D. 2000. *Rossiya vkhodit v Evropu: imperatritsa Elizaveta Petrovna i vojna za Avstriyskoe nasledstvo, 1740—1750*. Moskva: OGI. (In Russ.).
- Maslovskiy, D. F. 1886. *Russkaya armiya v Semiletnyuyu voynu: Vypusk 1: Pokhod Apraksina v Vostochnuyu Prussiyu (1756—1757)*. Moskva: Tipografiya okruzhnogo shtaba. (In Russ.).
- Musskiy, I. A. 2001. *100 velikikh diplomatov*. Moskva: Veche. (In Russ.).
- Shapkina, A. N. 1992. Novye orientiry. Kantsler A. P. Bestuzhev-Ryumin i soyuz s Avstriey. *Rossiyskaya diplomatiya v portretakh*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 48—65. (In Russ.).
- Shchepkin, E. N. 1902. *Russko-avstriyskiy soyuz vo vremya Semiletney vojny, 1746—1758: issledovanie po dannym Venskogo i Kopengagenskogo arkhivov*. Sankt-Peterburg: V. S. Balashov I K. (In Russ.).
- Solovyev, S. M. 2010. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).
- Timiryazev, V. A. 1900. Doch Petra Velikogo. *Istoricheskiy vestnik*, 81. (In Russ.).
- Vandal', A. 1911. *Imperatritsa Elizaveta i Lyudovik XV*. Moskva: Sfinks. (In Russ.).
- Yakovlev, N. N. 2000. *Britaniya i Evropa*. Moskva: IVI RAN. (In Russ.).
- Yakovlev, N. N. 1990. «Diplomaticheskaya revolyutsiya» nakanune Semiletney vojny. *No-vaya i Noveyshaya istoriya*, 3: 53—63. (In Russ.).